

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВАЛТАЙСКОГО КРАЯ: МЕХАНИЗМЫ КОНВЕРТАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ БРЕНД

Папашвили Г.З., Барнаул (Россия)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №
26-28-20225*

Аннотация. *Статья посвящена сравнительному анализу механизмов, посредством которых историко-культурное наследие малочисленных этносов Алтайского края – автохтонных кумандинцев и финно-угорских переселенческих диаспор (мордвы, марийцев) – формирует имидж сельских территорий и трансформируется в ресурс их развития. Установлено, что у автохтонного этноса наследие функционирует как посттрадиционная экономика идентичности (правовой статус КМНС конвертируется в природоресурсные права и туристический продукт), тогда как у диаспорных групп наблюдается парадокс символической компенсации: утрата языкового «Сигнала» компенсируется гипертрофией визуальных маркеров идентичности – вплоть до межпоколенческого предела в четвертом поколении. Сформулирована трехвекторная модель устойчивой конвертации наследия в территориальный бренд: синхронная интеграция низовой музеефикации, кластерной коммодификации и цифровизации при механизме совместного управления наследием (англ. shared stewardship) с носителями традиций.*

Ключевые слова: *историко-культурное наследие; кумандинцы; мордва; марийцы; территориальный брендинг; этнотуризм; символическая этничность; коммодификация; shared stewardship; Алтайский край*

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF SMALL-NUMBERED ETHNIC GROUPS OF THE ALTAI TERRITORY: MECHANISMS FOR CONVERTING POTENTIAL INTO A TERRITORIAL BRAND

Papashvili G.Z., Barnaul (Russia)

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the mechanisms through which the historical and cultural heritage of small-numbered ethnic groups of the Altai Territory – indigenous Kumandins and Finno-Ugric migrant diasporas (Mordvins, Maris) – shapes the image of rural territories and transforms into a development resource. It is established that among the indigenous group, heritage operates as a post-traditional identity economy (IPNS legal status is converted into natural resource rights and tourism products), while diaspora groups exhibit a symbolic compensation*

paradox: the loss of the linguistic 'Signal' is offset by a hypertrophy of visual identity markers – up to an intergenerational threshold in the fourth generation. A three-vector model for sustainable conversion of heritage into territorial brand is proposed: synchronised integration of grassroots musealisation, cluster commodification, and digitalisation, underpinned by a shared stewardship mechanism with cultural tradition bearers.

Keywords: *historical and cultural heritage; Kumandins; Mordvins; Maris; territorial branding; ethno-tourism; symbolic ethnicity; commodification; shared stewardship; Altai Territory*

1. Проблема и цель исследования

Между декларируемой ценностью этнокультурного потенциала Алтайского края и его реальной интеграцией в региональные стратегии сохраняется устойчивый разрыв: доля сельского туризма в совокупном объеме туристических услуг составляет 2%, тогда как в историческом ареале кумандинцев (Солтонский район) зафиксировано лишь 0,475 тыс. туристов в год против 218,1 тыс. в Алтайском районе – разрыв в 460 раз [10]. Урбанизация и ассимиляционное давление трансформируют онтологию идентичности: она переходит из режима повседневных практик освоения ландшафта в режим институционального правового статуса или декларативной символической этничности. Цель исследования – выявить, посредством каких организационных, семиотических и цифровых механизмов наследие этих групп влияет на имидж сельских территорий, и предложить синтетическую модель условий устойчивой конвертации этого потенциала в территориальный бренд.

2. Методология

Исследование реализовано как кабинетный вторичный анализ. Источниковая база: данные переписей населения 1897–2020 гг.; результаты этносоциологических опросов – кумандинцев г. Бийска (2016 г., N=58), кумандинских подростков (2022 г., N=90), уральских марийцев (1998 г.); материалы экспедиций, положенные в основу «Интерактивной карты народов Алтайского края» (АлтГПУ); задокументированные практики этнических общин. Применены сравнительно-исторический метод, вторичный анализ социологических данных, метод кейс-стади и пространственно-экономический анализ. Дизайн исследования строится на принципе дихотомического контраста: автохтонная группа (кумандинцы) противопоставлена диаспорным финно-угорским группам, что позволяет системно сравнить различающиеся логики сохранения наследия в едином региональном контексте.

3. Основные результаты

3.1. Посттрадиционная экономика идентичности кумандинцев.

Численность кумандинцев сократилась с 3 114 чел. (2002 г.) до 2 408 чел. (2020 г.); кумандинский язык считают родным лишь 637 чел. (26,5% этноса) [2]. Параллельно происходит системная смена экономической логики воспроизводства идентичности: правовой статус КМНС конвертируется в природоресурсные права (договор общины «Пай-кижи» с Минприроды Алтайского края на квотированное рыболовство на р. Бие, май 2024 г.) и туристический продукт (маршрут «Вотчина кумандинцев» в кластере «Большое золотое кольцо Алтая», реконструкция обряда «Кочо-кан») [1]. Городская «Самзар» (г. Бийск) специализируется на строительных подрядах и заготовке дикоросов; сельские общины Красногорского и Солтонского районов – на туристических услугах и сувенирах: территориальная укорененность выступает экономически дифференцирующим фактором внутри одного этноса [3]. Данный феномен описывается рамкой «этнической корпорации» Дж. и Дж. Комарофф [11], однако содержит специфическое структурное напряжение: коммодификация разворачивается на фоне демографической рецессии, порождая риск истощения живой культурной субстанции.

3.2. Парадокс символической компенсации финно-угорских диаспор.

Деградация мордовской диаспоры по поколениям фиксирует устойчивую кривую: самоидентификация падает с 100% (1-2-е поколения) до 64% (3-е) и 10% (4-е) при нулевой трансляции традиций детям [4]. Теория знака идентичности М. Эхалы [13] точно описывает диссоциацию лингвистического «Сигнала» и аксиологического «Значения», однако алтайский материал позволяет ее уточнить: в 4-м поколении деградирует не только «Сигнал», но и «Значение» – тем самым обнаруживается межпоколенческий предел символической компенсации как не артикулированная граница теории. В марийской диаспоре обнаруживается бинарная идентичность: ядерная ценность происхождения сосуществует с позитивной привязанностью к русскому языку ($r = .558$) как маркеру социальной мобильности при отрицательной корреляции культурной близости к большинству с доверием ($r = -0.36$) [7]. Ключевым фактором жизнеспособности марийской диаспоры является наличие «организационного моста» с республикой-донором (гастроли театров, Музей марийской сказки «Серебробузая Пампалче» в пос. Черепановский Змеиногорского района) – в отличие от мордовской, полностью разомкнутой с историческим ареалом.

3.3. Инфраструктурные барьеры и цифровизация.

Пространственная асимметрия между этнокультурным потенциалом и туристической инфраструктурой критична: Солтонский район располагает 2 объектами размещения и 12 круглогодичными местами, что делает устойчивый турпоток невозможным независимо от качества культурного продукта. «Интерактивная карта народов Алтайского края» (АлтГПУ) создает виртуальное пространство-компенсатор через аудиointервью, транскрипты и видеозаписи экспедиций [5]. Дистанционный конкурс «Наследие кумандинцев» с применением фотограмметрии для 3D-моделей артефактов показал трехкомпонентное воздействие на идентичность (когнитивное, деятельностное, аффективное) при межпоколенческом наставничестве [6]. Вместе с тем зафиксированы структурные пределы цифровой компенсации: 87,8% кумандинских подростков декларируют необходимость изучения культуры народа при реальной слабой связи с практиками – «охват без вовлеченности» воспроизводит «символическую этничность» по Г. Гансу [12].

4. Концептуальный конфликт и риски «фейклора»

Зафиксированный разрыв имеет глубинную онтологическую природу: феноменологическая онтология ландшафта (ритуал, территория и идентичность как неразрывное целое) фундаментально несовместима с позитивистским габитусом государственных и рыночных институций, рассматривающих культурные объекты как инвентаризируемые ресурсы [8; 9]. Кейс репатриации мумии «Алтайской принцессы» обнажает это столкновение: позитивистская «Homo archeologicus»-логика государственного экспонирования противостоит анимистической парадигме коренных сообществ. Агрессивная кластеризация без согласования с носителями культуры рискует породить «фейклор» – коммерческий суррогат, утративший реляционную связь с живой традицией. Кейс реконструкции «Кочо-кана» при включении в репертуар русских песен, переведенных на кумандинский язык, демонстрирует продуктивную зону синкретизма, где этот конфликт удерживается, а не снимается.

5. Выводы и практические рекомендации

Имиджевый потенциал сельских территорий реализуется на пересечении трех взаимообусловленных процессов – институционализации низовой музеификации, кластерной коммодификации наследия и цифровизации культурного ландшафта. Дефицит любого звена меняет качество системы: возникает либо «музей без аудитории», либо «аудитория без музея», в иных случаях – фейклор. На основании полученных данных сформулированы три группы рекомендаций: (1) интеграция трех векторов должна быть

синхронной, а не последовательной; (2) кластерный брендинг требует механизма совместного управления (*англ.* shared stewardship) с подлинным участием общин в принятии стратегических решений о включении объектов наследия в туристические маршруты; (3) диаспорные группы нуждаются в специализированной политической рамке, включающей поддержку «организационных мостов» (культурное сотрудничество) с республиками-донорами и развитие диаспорных музейных институций. Культура малого этноса работает на территорию только тогда, когда сам этнос остается субъектом.

Литература

1. Назаров И. И. Основные тенденции современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края // Вестник КемГУ. 2018. № 2 (74). С. 39–49.
2. Октябрьская И. В., Николаев В. В., Самушкина Е. В. Кумандинцы: этническое самосознание и стратегии самоопределения // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2024. Т. 23, № 7. С. 139–159.
3. Николаев В. В. Воспроизводство этничности кумандинцев г. Бийска // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири. 2021. Т. XXVII. С. 822–826.
4. Щеглова Т. К., Овчарова М. А. Мордва Алтайского края: самосознание и самоидентификация // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность. Новосибирск, 2005. С. 175–184.
5. Щеглова Т. К., Гонне А. А. Проект «Интерактивная карта народов Алтайского края» // Учёные записки АлтГАКИ. 2020. № 1 (23).
6. Дудышева Е. В. [и др.]. Факторы влияния дистанционных этнопедагогических конкурсов на формирование этнокультурной идентичности молодёжи // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 3.
7. Vedernikova E. The Collective Identity of the Mari // Folia Uralica Debreceniensia. 2024. Vol. 31. P. 297–318.
8. Broz L. Substance, Conduct, and History: «Altaian-ness» in the Twenty-First Century // Sibirica. 2009. Vol. 8, № 2. P. 43–70.
9. Plets G. [et al.]. Repatriation, Doxa, and Contested Heritages // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2013. Vol. 52, № 2. P. 73–98.
10. Prudnikova N. G. [et al.]. Recreational Use of Natural Resources and Tourism Development // Advances in Social Science. 2019. Vol. 364. P. 968–972.
11. Comaroff J. L., Comaroff J. Ethnicity, Inc. Chicago, 2009. 232 p.
12. Gans H. J. Symbolic Ethnicity // Ethnic and Racial Studies. 1979. Vol. 2, № 1. P. 1–20.
13. Ehalá M. Signs of Identity: The Anatomy of Belonging. New York; London, 2018. 198 p.